

А. А. Просвиркина

**Становление принципов «духовного реализма»
в прозе Б. Зайцева:
«Голубая звезда» и «Странное путешествие»**

Литературное наследие Б. Зайцева, возвращенное отечественному читателю в 1990-е годы, осмыслено современной филологической наукой как опыт духовного реализма (работы А. М. Любомудрова и др.). Однако начало творческого пути писателя совпало со временем высшего подъема эстетических и философских исканий русского символизма. В автобиографической

заметке в 1943 г. Б. Зайцев так определил влияние на свое сознание символистских идей: «Владимир Соловьев <...> пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере». Вместе с тем теургические интенции символистов изначально противоречили более близкому Б. Зайцеву христианскому православию, что подтверждает и итоговое произведение доэмигрантского периода творчества писателя – повесть «Голубая звезда».

Исследователи прозы Б. Зайцева неоднократно подчеркивали, что характерной чертой эволюции его личности всегда была плавность внутреннего духовного развития. Так, повесть «Голубая звезда» (1918) концептуальное завершение получила в рассказе «Странное путешествие» (1926), что дает основание интерпретировать эти произведения как единый текст. В центр сюжета «Голубой звезды» Б. Зайцев поставил персонаж, во многом превосхитивший типичного героя его поздней прозы. Алексей Христофоров – одинокий путник, странник, в чем-то близкий отрешенному от мира иноку. Мало привязанный к плотским потребностям и житейским заботам, он вполне соответствует своей фамилии, которая в переводе с греческого означает «христоносец», то есть несущий в себе Христа.

Детскость, непосредственность, странность Христофорова явно связаны с его скитальческим образом жизни: «Знаете, мне всегда приходится кочевать. То тут, то там. У меня нет так называемого гнезда».

Но есть у Христофорова нечто тайное и сокровенное, предмет его любви, возвышения и веры – голубая звезда Вега, представляющая собой емкий, семантически многосоставный образ-символ. Христофоров считает Вегу своей покровительницей, видит в ней «Голубую Деву», которая «наполняла собою мир, соединяла все облики земных любвей, все прелести и печали, все мгновенное, летучее – и вечное». Приведенная цитата отчетливо говорит о влиянии на Б. Зайцева учения Вл. Соловьева о Вечной женственности, о слиянии с Душой мира.

Христофорову не были безынтересны и некоторые идеи спиритизма. В конце повести он передает свои ощущения в явно мистическом ключе: «Вот недавно, на днях, я испытал странное чувство. На минуту я ощутил себя блаженным и бессмертным духом, существующим вечно, здесь же, на земле». В финале его моноло-

га неожиданно зазвучат христианские мотивы: «Я забывал о прошлом и не думал о будущем. Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть райская жизнь, о которой говорит Библия».

В повести «Голубая звезда» образы православного христианства постепенно собираются в самоценное полотно жизни. Герои совершают путешествие в Звенигородский монастырь; в описании улиц постоянно упоминаются церкви; развернуто повествуется о праздновании Рождества и Пасхи. Жилище Христофорова уподобляется монашеской келье, «убежищу отшельника»; его самого называют монахом, «святым Антонием», «младенцем», «дитя». Христофоров много размышляет над христианским идеалом: «Нет ничего в мире выше христианства. Может я не совсем так его понимаю. Но для меня – это аристократическая религия, хотя Христос и обращался к массе. Моя партия – аристократических нищих».

«Голубую звезду», как и все творчество писателя, отличает импрессионистическая поэтика мимолетных чувств, мгновений и удивительная, уникальная зайцевская цветопись. Наиболее часто употребляющиеся и сочетающиеся цвета в повести – золотой и голубой. Вспомним, что первый сборник А. Белого называется «Золото в лазури», и именно эти два цвета преобладают в цикле А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме». Но также золотой и голубой – это основные составляющие колористики христианской иконы.

В повести преобладают импрессионистические пейзажи переходного времени, которое любили символисты: в такие моменты, по их мнению, художник мог разглядеть, почувствовать близкие себе образы-символы. Не случайно образ-символ Голубой звезды в повести Б. Зайцева тоже впервые появляется во время рассвета, когда «на востоке светлело». Вместе с тем итоговым для авторской концепции образ Голубой звезды не становится.

История Христофорова не заканчивается в повести «Голубая звезда». В 1926 г., уже в эмиграции, Б. Зайцев напишет рассказ «Странное путешествие», в котором выразилось устоявшееся авторское понимание смысла жизни как сострадания и христианской любви к людям. В основе сюжета – случай, происшедший с Христофоровым в дороге. В ходе бандитского нападения на

обоз, в котором он едет, герой гибнет, закрыв своим телом от пули мальчика Ваню. Смерть Христофорова истолковывается критиками либо как страшный итог жизни части интеллигенции, оставшейся в России, либо как расплата за былые праздность и бессилие. Ваня, которого спасает Христофоров, не только его ученик из простонародной среды, но и представитель молодого поколения. Не отрицая приведенных суждений, подчеркнем все же первостепенную значимость готовности героя к жертве, преодоление им за прошедшие восемь лет символистской надмирности и мистической отрешенности.

Таким образом, «Голубая звезда» и «Странное путешествие» концептуально объединяются в диптих. Повесть «Голубая звезда» – переходное произведение в плавной творческой эволюции Зайцева. В ней отразилась авторская оценка основных идей символизма, собственные духовные искания писателя, черты формирующегося в его творчестве духовного реализма. Рассказ же «Странное путешествие» является примером системного выражения принципов духовного реализма в творчестве Б. Зайцева, отвечающего неустанной борьбе патриарха русского зарубежья за «душу живу» русского человека.